

Земли Цзяннаня издревле славились своим изящным очарованием и весёлым нравом, но краше всего они бывали в марте, когда весеннее цветение затмевало прелесть любых других краёв.

Что же до почтенного рода Линь, то его представители обосновались в окрестностях Гусу ещё со времён основания династии, и с тех пор сменилось уже пять поколений. Нынешним главой семейства был Линь Жухай, занимавший видный пост инспектора соляного ведомства в Гусу. Род этот с давних пор не отличался многочисленным потомством — наследование почти всегда шло по единственной мужской линии, а к нынешнему поколению сиротство у колыбели стало и вовсе щемящим. Хоть в доме Линь Жухая и жило несколько наложниц, ни одна из них так и не подарила ему дитя.

По счастью, когда почтенному чиновнику исполнилось тридцать, его законная супруга, госпожа Цзя Минь, разрешилась от бремени сыном. Но поскольку сама она от рождения не отличалась крепким здоровьем, новорождённый младенец появился на свет до того слабым и болезненным, что едва не покинул этот мир во младенчестве. Лишь благодаря чудесному заступничеству одного добродетельного буддийского монаха дитя удалось спасти, и с тех пор мальчик креп с каждым днём. С самого своего рождения он стал для отца драгоценной жемчужиной на ладони. Назвали его Линь Лан.

Не прошло и года, как госпожа Цзя вновь забеременела. Будучи женщиной на редкость волевой и гордой, она во что бы то ни стало вознамерилась выносить и этого ребёнка, не щадя собственных сил. Роды прошли успешно, но и мать, и новорождённая дочь остались совсем немощными; девочка унаследовала ещё большую хрупкость, нежели её старший брат. Сама же супруга Линь Жухая угасала на глазах, подобно догоревшей свече, и спустя несколько лет мучительной борьбы тихо скончалась. Оставшись без материнского пригляда и должного воспитания, маленькая Линь Дайюй нуждалась в заботе старшей женщины, а потому её почтенная бабушка по материнской линии, старая госпожа Цзя-Ши, прислала из столицы письмо с предложением забрать внучку к себе. С тех пор минуло уже три года.

— Сюда, господин, ну же, идите к нам!

— Ах ты, маленькая бестия! Небось заждалась меня, истосковалась?

— Какой вы несносный! Вместо того чтобы приласкать бедную сиротку, только и делаете, что дразнитесь.

— Ха-ха-ха! Глупышка, иди же сюда, дай я тебя как следует приголублю!

Павильон Весенней Радости, где блистала знаменитая на весь Цзяннань куртизанка Цинчэнь, не затихал ни на минуту: и днём, и ночью здесь бурлило безудержное веселье.

— А-Лан! Ну где ты пропадал?! — раздался звонкий голос со второго этажа. Молодой щёголь в лазурном шёлковом халате перегнулся через резные перила галереи, выкликая юношу лет тринадцати-четырнадцати, только что показавшегося внизу.

Вошедший отрок, несмотря на свой нежный возраст, отличался на редкость утончённой, пленительной красотой. Кожа его белизной спорила с чистейшим снегом, а глубокие глаза мерцали, точно капли свежей туши. Обликом своим он превосходил красивейших дев, невольно приковывая к себе жадные взгляды мужчин. Впрочем, глазели в основном приезжие чужестранцы; местные же обыватели, едва признав юношу, спешили отвести глаза от греха подальше.

Юный господин уверенно зашагал вперёд, поднялся по деревянным ступеням наверх и вместе с приятелем скрылся за дверями одного из покоев.

В комнате не было слышно привычного вульгарного хохота порхающих бабочек, однако в воздухе всё же витал пряный, дурманящий аромат любовной неги. Среди гостей за столом сидела и сама дева Цинчэнь.

При виде вошедших шумная компания понемногу притихла.

А-Лан занял свободное место. Служанки тут же бросились помогать ему снять дорожную накидку, а одна из них потянулась с кувшином вина, чтобы наполнить его кубок. Юноша, однако, мягким жестом остановил её руку и попросил принести вместо вина свежезаваренного чая.

— А-Лан, неужто ты и впрямь уезжаешь в столицу? — спросил один из сидевших за столом юношей, на вид шестнадцати лет.

Подперев щеку ладонью и лениво покачивая в руке чашку, Линь Лан небрежно отозвался:

— Уезжаю. Ещё перед кончиной матушка хотела, чтобы мы с сестрой отправились в столицу, да только слабое здоровье не позволило мне пуститься в столь дальний путь. Теперь-то я совсем окреп. К тому же отец то и дело ворчит, попрекает меня праздностью да нежеланием корпеть над книгами. Так что решено — еду покорять столицу.

Сидевший подле него приятель шутливо навалился плечом на Линь Лана:

— Ну полно тебе наговаривать! Во всём Цзяннане каждый знает, что господин Линь души не чает в своём единственном старшем законном сыне.

Линь Лан бросил на него лукавый взгляд:

— Одно дело любить, и совсем другое — досадовать, что сын не желает часами заучивать каноны.

Друг, вошедший вместе с ним, поспешил заметить:

— Пусть А-Лан и не жалуется зубрёжку, но среди нас он справляется с уроками лучше всех. Неужели дядя Линь недоволен таким способным сыном?

— Попробовал бы ты посидеть под домашним арестом, когда над душой с утра до ночи стоит строгий учитель, — хмыкнул Линь Лан и осушил чашку. Ловкая служанка мгновенно подлила ему свежего настоя.

В разговор вмешался молодой человек в богатом тёмном халате, расшитом золотыми пионами:

— Расставание не за горами, к чему эти споры об учёбе? Лучше скажи, А-Лан, как планируешь добираться: по воде или по суше?

Линь Лан тепло улыбнулся:

— Водой. Так выйдет гораздо быстрее.

Мальчик, на вид чуть младше самого Линь Лана, сидел насупившись.

— Если ты уедешь, А-Лан, свидимся ли мы вновь? — уныло пробормотал он.

Линь Лан поднялся с места, подошёл к нему и дружески взъерошил мальчишке волосы.

— Что это ты, Сяо Юнь? Я ведь ещё даже не ступил на палубу, а ты уже по мне скучаешь? Брось эту девичью меланхолию, мы обязательно встретимся. Как только соберётесь в столицу, знайте — мои двери всегда открыты для вас.

Господин в халате с пионами воскликнул:

— Раз уж мы провожаем тебя в дальнюю дорогу, негоже глушить тоску чаем! Эй, подать сюда кувшин доброго вина!

Линь Лан задорно рассмеялся:

— Ну хорошо, уговорили! Гулять так гулять, сегодня пьём до упаду!

В комнате вновь воцарилось шумное хмельное веселье.

Лишь когда луна поднялась высоко в зенит, дружеское пиршество подошло к концу. Гости, обменявшись обещаниями непременно встретиться вновь, стали расходиться. Экипаж семейства Линь тихо покатился по влажной от росы мостовой, унося дремлющего юношу домой. Опьянённый вином и усталостью, А-Лан крепко уснул в глубине кареты.

— Молодой господин, приехали, — негромко позвал слуга, почтительно замирая у дверцы кареты и ожидая, пока юноша сойдёт на землю.

Немного разогнав хмель, Линь Лан выбрался наружу. У парадного входа его уже поджидал главный управляющий, Линь Цзюэ. Завидев молодого барина, он поспешил навстречу:

— Наконец-то вы вернулись, молодой господин! Почтенный господин извёлся от беспокойства, пока вас не было. Сейчас он ожидает вас в своём кабинете.

Линь Лан иронично вскинул бровь.

«Беспокоился? Скорее уж кипел от злости, что я едва не остался ночевать в весёлом квартале. Впрочем, управляющий не зря ест свой хлеб — умеет преподнести всё в самом благовидном свете»

— Полно вам, дядюшка, потише бы... К чему такие преувеличения? — вполголоса пробормотал Линь Лан, проходя во внутренний двор.

Управляющий лишь понимающе усмехнулся. Заметив, что хмель ещё путает шаги юноши, он бережно придержал его за локоть:

— Может, молодому господину стоит сперва выпить отвару, чтобы прогнать хмель, а уж после предстать пред очи хозяина?

— Ни к чему. Раз уж отец так извёлся от беспокойства, незачем его томить. Идём сразу в кабинет.

Линь Цзюэ расплылся в улыбке:

— Какая сыновняя почтительность! Пусть только попробует кто-нибудь сказать после этого, что наш молодой господин непочтителен к родителю.

— Перестаньте паясничать, дядюшка. Не дай бог такие слухи поползут по городу — я со стыда сгорю.

За тихим разговором они миновали сад и приблизились к дверям кабинета. Жестом приказав слугам остаться снаружи, Линь Лан сделал глубокий вдох, стараясь окончательно прогнать остатки сонливости, и осторожно толкнул тяжёлую деревянную створку.

Внутри у окна восседал представительный мужчина лет тридцати пяти. Подле него на столике покоилась массивная доска для игры в го, вырезанная из векового древесного ствола, а рядом матово поблескивали изящные нефритовые камни.

Сложив ладони в вежливом приветствии, Линь Лан склонился в глубоком поклоне:

— Отец, ваш сын вернулся.

Мужчиной этим был сам Линь Жухай. От него веяло благородством и утончённой простотой истинного мужа, а на его моложавом лице не было ни следа прожитых сорока с лишним лет.

Линь Жухай отложил зажатый между пальцами камень.

— Подойди, Лан-эр. Сыграй с отцом партию.

По лицу отца Линь Лан мгновенно понял, что гроза миновала. Облегчённо выдохнув, он опустил руки и присел на мягкую циновку напротив родителя. Линь Жухай взял чёрные камни, предоставив сыну белые.

Раздался негромкий щелчок о доску.

— Ну что, Лан-эр, распрощался со своими верными друзьями? — поинтересовался отец.

Линь Лан удивлённо приподнял бровь:

— Мы простились. Но с каких пор тебя стали занимать мои приятели? Прежде ты не расспрашивал о них.

Опустив на дерево очередной камень, Линь Жухай усмехнулся:

— Разве отцу зазорно спросить о делах сына?

— Отнюдь. Просто мне показалось, будто перед моим отъездом в столицу ты вдруг поддался грусти и не желаешь со мной расставаться.

— Ах ты, негодник! — беззлобно выругался Линь Жухай. — Смотри у меня, в столице води себя тише воды, ниже травы. Меня там рядом не будет, и вытаскивать тебя из передрыг станет некому!

Линь Лан уверенно сделал ответный ход:

— Не беспокойся, отец. Обещаю не навлекать на себя неприятностей без крайней нужды.

— Ладно уж. В обиду ты себя не дашь, это я знаю. Но помни: если какой-то глупец посмеет

задеть тебя, не руби с плеча. Дождись моего приезда, я сам с ним расквитаюсь.

Вскоре игра подошла к концу — чёрный дракон на доске окончательно поглотил белого.

— В искусстве игры мне за тобой вовек не угнаться, — признал Линь Лан. Он отложил оставшиеся камни и принялся бережно собирать их обратно в лакированную чашу, после чего негромко позвал слуг.

Слуги бесшумно вошли в комнату, убрали доску, подали свежего чая и так же тихо удалились, затворив за собой двери. В каждом их движении сквозила безупречная выучка, коей всегда славился дом Линь.

Линь Жухай неторопливо сделал глоток из чашки.

— Самое важное для тебя в этой поездке — вызволить сестру из того столичного болота. До тех пор, пока я сам не прибуду в столицу, веди себя предельно осторожно. Не давай никому повода очернить твоё имя, держись подальше от интриганов и не заводи сомнительных знакомств.

Линь Лан поднял взгляд и посмотрел отцу прямо в глаза. Смысл его предостережения стал ясен без лишних слов.

«Сомнительные знакомства? Он имеет в виду — не впутываться в распри принцев за престол и держаться на расстоянии от так называемых четырёх великих семейств»

— Повинуюсь воле отца, — шутливо растягивая слова, отозвался Линь Лан и с весёлым прищуром посмотрел на родителя.

Линь Жухай лишь со вздохом покачал головой:

— Вечно ты паясничаешь. Ладно, ступай отдыхать. И проверь, всё ли готово к отъезду, чтобы завтра в спешке ничего не позабыть.

— Это не паясничество, отец, а забота о твоём хорошем настроении, — отпарировал юноша. Однако, заметив, как пальцы отца сильнее сжали чашку, он тут же посерьёзnel: — Не волнуйся, я всё устрою в лучшем виде. Разреши мне откланяться, не буду более мешать твоему отдыху.

— Ступай уже, — проворчал Линь Жухай, хотя в глазах его промелькнула тёплая улыбка. — Будешь и дальше чесать языком — мигом шкуру спущу.

Линь Лан поклонился и покинул кабинет. На приличном расстоянии от дверей, у самого начала галереи, безмолвно застыли слуги — достаточно далеко, чтобы не подслушать тайный

разговор, но достаточно близко, чтобы явиться по первому зову хозяина.

Едва он ступил на дорожку, к нему поспешила Хэцзя, старшая служанка из его личных покоев. Накинув на плечи молодого господина плотный дорожный плащ, она тихонько заворчала:

— Молодой господин, ну как можно было предстать пред очи хозяина, даже не разогнав хмель отваром? Негоже это, совсем негоже!

Линь Лан покосился на девушку, которая заботливо расправляла складки на его плечах.

— Что-то ты, Хэцзя, в последнее время разворчалась пуще прежнего.

Они неторопливо пошли по садовой дорожке. Шаг в шаг перед ними вышагивали две младшие служанки, высоко держа фонари и разгоняя ночную тьму.

Хэцзя, бережно придерживая юношу под локоть, вздохнула:

— Молодой господин совсем взрослым стал, вот и не желает больше слушать глупые наставления служанки.

Линь Лан примирительно похлопал её по руке:

— Ну полно тебе. Я ведь просто шучу, а ты уже и обидеться успела.

Миновав усыпанную мелким гравием тропу у кабинета, они пошли быстрее. Шаги их стихли под сводами длинной галереи, и вскоре показались ворота личного дворика Линь Лана.

Во дворике вовсю горели огни. Старшие служанки томились в ожидании на веранде, то и дело поглядывая на ворота. Завидев молодого господина в сопровождении Хэцзя, они с облегчением бросились навстречу.

А-Лана провели в тёплые покои, где уже исходила паром заготовленная бадья с горячей водой. Юноша умылся, велел унести воду и, дождавшись, пока высохнут влажные волосы, улёгся на постель.

Хэцзя, Хэхуань и остальные служанки негромко переговаривались во внешней комнате. Убедившись, что за ширмой всё стихло, Хэцзя на цыпочках вошла во внутренние покои, заботливо поправила одеяло спящего господина, задула свечи и бесшумно удалилась.

Стоявшая у дверей Хэлэ тихонько вздохнула.

«После того памятного случая молодой господин наотрез отказался пускать кого-либо дежурить у его постели по ночам»

Хэцзя легонько коснулась её плеча:

— Чего вздыхаешь? Все ли сундуки уложила? Завтра на рассвете мы отчаливаем. Не дай бог забудешь какую малость — даже не проси у меня поделиться, не дам!

Хэлэ виновато улыбнулась и ухватила Хэхуань под руку:

— Сестрица, пощади! Бегу уже, всё соберу до единой ниточки.

Служанки пошли к себе. Линь Лан, не успевший погрузиться в глубокий сон, прислушался к растаявшему в ночи шёпоту шагов. Открыв глаза, он тихо, протяжно вздохнул, перевернулся на другой бок и вновь закрыл глаза, проваливаясь в сон.

Ночь пролетела незаметно. Ранним утром, наскоро разделив трапезу с отцом и выслушав последние напутствия, Линь Лан поклонился родителю на прощание. Время пришло — пора было пускаться в путь.

У причала речного порта раскинулся пышный караван семейства Линь. На две огромные грузовые баржи погрузили бесчисленные сундуки с утварью, дарами и припасами для столичной усадьбы; третьим же шло нарядное пассажирское судно, предназначенное для самого молодого господина.

Вчерашние приятели А-Лана собрались на пристани задолго до рассвета. Обменявшись с ними крепкими объятиями и прощальными пожеланиями, юноша взошёл на борт. Канаты отдали, паруса поймали попутный ветер, и судно медленно заскользило по речной глади на север, унося Линь Лана навстречу новой столичной жизни.

<http://bllate.org/book/18219/1751513>